

Концепция “нового монашества” в богословии и служении игуменьи Леснинского Свято-Богородицкого монастыря (Е. Б. Ефимовской 1850-1925)

Парфенова Е. Г.

В статье представлены биографические сведения и анализ церковно-общественной деятельности игум. Екатерины, в миру графини Ефимовской Евгении Борисовны, Леснинского Свято-Богородицкого монастыря в Холмском крае, настоятельницей которого она была на протяжении более 20 лет. Проанализированы основные концепции игум. Екатерины (Ефимовской) — общественного служения монастырей (“нового монашества”), возрождения института диаконисс и их практическое воплощение в деятельности Леснинского монастыря. Описаны новаторские практики педагогической, образовательной и социальной деятельности общины монастыря, осуществляемые в условиях нарастающего общественно-государственного кризиса в Российской империи к. XIX — нач. XX вв.

Ключевые слова: игум. Екатерина (Ефимовская), Леснинский монастырь, новое монашество, диакониссы, народное образование, социальные практики, благотворительность.

Отношения и деятельность: не оказывает влияния на представленный материал.

Парфенова Евгения Георгиевна — выпускница исторической магистратуры частного образовательного учреждения высшего образования Свято-Филаретовский институт (СФИ), 2022 г., Екатеринбург, Россия.

Автор, ответственный за переписку (Corresponding author): parfenos5@gmail.com

Рукопись получена 29.04.2022

Рецензия получена 20.05.2022

Принята к публикации 06.06.2022

Для цитирования: Парфенова Е. Г. Концепция “нового монашества” в богословии и служении игуменьи Леснинского Свято-Богородицкого монастыря (Е. Б. Ефимовской 1850-1925). *Российский журнал истории Церкви*. 2022;3(2):66-98. doi:10.15829/2686-973X-2022-103. EDN TBKQXS

The concept of “new monasticism” in theology and ministry of the Abbess of the Lesninsky Holy Mother of God Monastery (E. B. Yefimovskaya 1850-1925)

Evgenia G. Parfenova

The article presents biographical insights into and analysis of the church and public activities of abbess Ekaterina, in the world — countess Efimovskaya Evgenia Borisovna. The article focuses on the detailed analysis of her activities in the Lesninsky Holy Mother of God Monastery in the Kholm sky region the abbess of which she was for more than 20 years. The most significant concepts of abbess Ekaterina (Efimovskaya), namely public service of monasteries

(“new monasticism”), the revival of the institution of deaconesses and these concepts practical implementation in the activities of the Lesninsky monastery are studied. The innovative practices of the pedagogical, educational and social activities of the monastery community that were carried out in the conditions of the growing social and state crisis of the Russian Empire of the 19th — early 20th century are described.

Keywords: abbess, Ekaterina (Efimovskaya), Lesninsky Monastery, new monasticism, deaconesses, public education, social practices, charity.

Relationships and Activities: none.

Evgenia G. Parfenova — a graduate of the historical magistracy of the private educational institution of higher education St. Philaret Institute (SFI), 2022, Yekaterinburg, Russia.

Corresponding author: parfenos5@gmail.com

Received: 29.04.2022

Revision Received: 29.05.2022

Accepted: 06.06.2022

For citation: Evgenia G. Parfenova. The concept of “new monasticism” in theology and ministry of the Abbess of the Lesninsky Holy Mother of God Monastery (E. B. Yefimovskaya 1850-1925). *Russian Journal of Church History*. 2022;3(2):66-98. (In Russ.) doi:10.15829/2686-973X-2022-103. EDN TBKQXS

Жизнь и служение игуменьи Екатерины (графини Ефимовской) проходит через все силовые линии российской истории сер. XIX — нач. XX в. Это и имперская история продвижения православия и русификация окраин России, и история начала реформ в Русской Православной Церкви, и социальная трансформация общества в пореформенный период, история женского активизма и народного образования. Но это еще и личная история выдающейся женщины, которая сумела существенно изменить мир вокруг себя. В юности, выработав идеалы и собственные принципы общественного служения, она сумела их воплотить с максимальным эффектом. Собрав круг единомышленников и обладая незаурядным талантом выстраивания отношений как с самой высокой аристократией, так и с простыми людьми, она основала крупнейший монастырь на Северо-Западе России, форпост православия, ставший настоящим центром народной жизни. Фактически ей удалось то, что удавалось немногим — осуществить евангельские идеалы служения ближнему, соединив их с лучшими достижениями русской культуры, науки, богословской мысли и новаторской педагогики¹.

Предварительные замечания: социальная модернизация пореформенной России

Во второй половине XIX — нач. XX в. в Российской империи происходят социальные и экономические трансформации, которые стали серьезными вызовами как для общества, так и для Русской Православной Церкви. Развивающаяся индустриализация и появление возможности оплачиваемой работы вне сельского хозяйства заставили некоторых жен-

¹ *Прим. ред.* — автор статьи выражает собственный взгляд на личность игум. Екатерины.

щин самостоятельно зарабатывать средства к существованию. “Проблема женского труда и его востребованности находит свое частичное решение в создании женских общин, быстро распространившихся в стране” [Белякова 2004:422].

Еще на рубеже XVIII – XIX вв. в России был известен опыт “низовой” инициативы создания женских общин. Общины создавались в качестве богаделен, странноприимных домов, “домов сестер милосердия”, “сестер трудолюбия” и так далее [Белякова, Шок 2021:4]. Возникают не только простонародные, но и аристократические общезжития. Абсолютное большинство насельниц таких общин оставались в статусе мирян и не принимали монашеский постриг. Кроме самоорганизованных общин, в России отмечалось такое явление, как “черничество” — своеобразное монашество, распространенное среди крестьянок дореволюционной деревни, существовавшее в двух видах: домашнем и келейном (последние жили отдельно от родственников, иногда вместе с другими “черничками” или ученицами)².

Начиная с 1842 г., после регистрации первых Нижегородских общин, женские общины стали повсеместно регистрироваться по всем епархиям, более того, была установлена традиция, согласно которой создание каждого нового монастыря предварялось этапом жизни в рамках общины; так было и в случае с учреждением Леснинского монастыря после четырехлетней деятельности Богородицкой общины в посаде Лесно, которой руководила графиня Е. Б. Ефимовская.

В пореформенный период происходит стремительный количественный рост женских религиозных сообществ (общин, обителей, монастырей), в т. ч. в связи с изменением законодательства и политики Св. Синода в отношении женских общин. Так, число официально зарегистрированных женских обителей выросло со 122 в 1855 г. до 475 в 1914 г. (в 3,4 раза), а количество насельниц в них — в 7,6 раза, и стало приближаться к 80 тыс. человек [Белякова, Шок 2021:5]. В целом для женских религиозных сообществ Российской империи была характерна тенденция, когда “из крайне стесненных в средствах и зависящих от благосостояния поступающих в монастыри женщин в начале XVIII в. к началу XX в. они представляют собой многочисленную стабильно обеспеченную общину, привлекающую молодых, незамужних, с высоким уровнем грамотности женщин, все чаще из непривилегированных городских и особенно сельских слоев общества”³. В связи с этим “более заметными становятся функции социальной защиты женщин, а с другой стороны, женщины из низших сословий, оказавшиеся в ходе модернизации и урбанизации в крайне незащищенном положении, получили новые возможности для социальной мобильности” [Белякова, Шок 2021:9].

Еще одной тенденцией развития женских общин и монастырей в кон. XIX — нач. XX в. стала возрастающая роль благотворительной деятель-

² Кириченко, О. В. (2010). Женское православное старчество в России. *Этнографическое обозрение*, 4, 172.

³ Wagner, W. G. and Barnitt, K. A. (2017). Quantitative study of the transformation of female orthodox monasticism in imperial Russia. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 62, 751-776.

Рис. 1. Портрет игум. Екатерины Ефимовской 90-е гг. XIX в. Источник: <https://www.pravenc.ru/text/189609.html>

Рис. 2. Портрет игум. Екатерины Ефимовской. Источник: <https://monasteresna.com/игуменния-екатерина-леснинская-графи/>

ности. Монастыри занимались благотворительной и просветительской деятельностью и в допетровское время, и во времена Петра I. С начала XVIII в. складывается государственная система благотворительности, финансирование которой поступало в том числе и через Монастырский приказ. При Петре I социальная деятельность женских монастырей стала их основной функцией и оправданием их существования. Более интенсивно дело монастырской благотворительности стало развиваться в пореформенный период. Указом от 6 апреля 1866 г. монастырям предписывалось при учреждении новых обителей “предлагать учредителям соединять <...> с удобствами уединенной монашеской жизни цель благотворительную или воспитательную” [Шафажинская 2010:97-98]. В соответствии с этим указом в монастырях, особенно женских, стали устраиваться школы, сиротские приюты, больницы, богадельни, гостиницы и столовые для бедных. Помимо прямого социального действия монастырская благотворительность, как считает Зырянов, по существу была попыткой смягчить социальный вопрос, укрепить в людях веру в устои религии, добра и справедливости. Благотворительность восполнила традиционные формы примиряющей, духовно-нравственной роли Церкви [Зырянов 2002:134]. Наиболее активными в деле благотворительности были женские общины, часть которых со временем были преобразованы в монастыри.

Реформы 60-х годов, освобождение личности и труда тоже особым образом влияли на общественные процессы, на качество труда и религиоз-

ную жизнь человека. Все эти процессы находили отражение в общественно-церковной деятельности игум. Екатерины (графини Ефимовской), и созданного при ее активном участии и по ее инициативе Леснинского монастыря.

В основу статьи положены, в первую очередь, статьи и документы авторства игум. Екатерины (Ефимовской). Нами выявлено восемь единиц авторских материалов за период с 1884-1910 гг., в том числе изданные брошюры “Монастырь и христианский аскетизм” (1904), “Диакониссы первых веков христианства” (1909), “Христианство нашей школы и христианство Слова Божьего” (1910); статьи в церковной прессе, письма к еп. Никону (Рождественскому) и богослову В. Свенцицкому. Особую ценность представляет “Докладная записка Настоятельницы Леснинского женского монастыря о восстановлении служения и звания диаконисс” (1905) из фонда Св. Синода РГИА.

Особо важное место в нашей работе занимает документ из отдела рукописей Российской национальной библиотеки (фонд МДА) — курсовое сочинение Сергея Олесеви́ча⁴ (1913 г.), выпускника МДА, лично общавшегося с игум. Екатериной в 1910-1912 гг.⁵ Оно содержит большое количество личных воспоминаний, а также аналитических оценок деятельности игум. Екатерины и Леснинского монастыря. Сам автор во введении к работе отмечает, что при ее написании воспользовался прежде всего источниками, которые касаются внутренней духовной жизни монастыря, а не внешне-исторической, что обусловливается поставленной задачей: изобразить монастырь как новое явление и выяснить его значение, для чего, как отмечает С. Олесеви́ч, “полная документальная историчность и не требуется” [Олесеви́ч 1913:4]. Это прежде всего материалы, найденные в самом монастыре, отчасти — в Холмском Училищном совете⁶.

Рис. 3. Портрет графини Е. Б. Ефимовской с матерью А. И. Ефимовской. Источник: <https://monasterelesna.com/игумения-екатерина-леснинская-графи/>

⁴ Олесеви́ч Сергей Григорьевич. Окончил Холмскую духовную семинарию (1909) и МДА (1913), магистрант. С 4. IX. 1913 — преподаватель гражданской истории Олонецкой духовной семинарии; с 11. IX. 1915 — преподаватель русского языка в Мариупольском Духовном училище Екатеринославской епархии. См. Сорокин В., прот. Митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий (Чуков) и его церковно-просветительская деятельность. Богословские труды, 1989, 29, 176.

⁵ В сочинении Олесеви́ча С. отмечено, что в течение всего лета ему пришлось наблюдать Леснинскую больницу. Мы можем предположить, что речь идет о периоде летних каникул 1912 г., предшествующих году написания курсового сочинения (1913) [Олесеви́ч 1913:194].

⁶ Относительно документов, хранящихся в самом Леснинском монастыре С. Олесеви́ч замечает, что “бумажное дело” в монастыре находится в более чем печальном состоянии вследствие того, что сам монастырь находится в периоде формации и энергичного роста [Олесеви́ч 1913:3].

Рис. 4. Вид Свято-Троицкой Буковицкой церкви, где была помещена явленная икона Божией Матери после ее обретения в 1683 г. [*Памятка* 1904:3].

Вехи биографии: графиня, ставшая монахиней

Графиня Евгения Борисовна Ефимовская родилась 28 августа 1850 г. в Смоленске в семье Бориса Андреевича графа Ефимовского и Александры Ивановны, урожд. княжны Хилковой из рода Рюриковичей. Кроме Евгении в семье было еще две дочери и сын. Борис Андреевич двадцать три года был предводителем дворянства Гжатского уезда Смоленской губернии и жил попеременно в своем имении Клементьево и в Москве. “Он был не только глубоко верующим православным человеком, но отличался любовью к церкви и церковному быту и был большим знатоком богослужения и церковных уставов. У него были широкие знакомства в духовной среде, которую он ценил и любил <...>. Таким образом, графиня Евгения Борисовна с самого детства росла в семье, близко и непосредственно связанной с Церковью и церковным бытом, в крепкой и благочестивой русской семье, что не могло не отразиться на всем ее миро-созерцании” [*Клепинин* 1926:166]. Воспитание и образование графини Ефимовской было домашним, типичным для русской барской семьи XIX в. В детстве ею много занимались иностранные бонны и гувернантки, благодаря чему она в совершенстве владела английским и немецким языками, а в последствии самостоятельно выучила итальянский⁷. Она обладала и художественными дарами — прекрасно играла на рояле, писала

⁷ Преподобная Екатерина Леснинская, наставница современного женского монашества. Провемон: Свято-Богородицкий Леснинский монастырь. 200 с. 16 л.: ил.

Рис. 5. Вид Леснинского монастыря с южной стороны. Фото: М. Ф. Богданов [Памятка 1904:6].

акварелью и маслом и занималась ваянием. С юности Евгения Борисовна увлекалась русской литературой и немецкой философией. “В это время ее главным интересом и склонностью была литература, и этот интерес она сохранила в течение всей жизни. Она писала хорошие стихи, которые печатались в “Русском Вестнике” Каткова и в “Руси” Аксакова. Она писала также повести, часть которых была напечатана, а часть пропала вместе с другими бумагами при эвакуации из России” [Клепинин 1926:167].

В 1869 г. Ефимовская получила диплом Московского университета по русской словесности, сдав экзамен экстерном. Она была незаурядным человеком, с юношеского возраста вела спартанский образ жизни: спала при открытом окне даже в холодную погоду, на жесткой постели. Самовоспитание и тяга к самообразованию стали крепким основанием в поиске Ефимовской своего призвания, общественного приложения жизненных ресурсов.

Первый самостоятельный опыт общественного служения графиня Евгения Ефимовская приобрела в возрасте двадцати четырех лет на педагогическом поприще, открыв в Москве пансион на двенадцать мест для подготовки девочек в гимназию [Преподобная Екатерина Леснинская 2010:185]. Эта инициатива была призвана стать альтернативой казенным учебным заведениям, с тяжелой нравственной атмосферой, с которыми Евгения столкнулась, поработав два года учительницей французского языка в Московском Николаевском институте благородных девиц (1872–1874 гг.). В созданном учебном заведении она пыталась создать атмосферу близкую к семейной, чтобы спасти детей от “ожесточения ума и опусто-

Рис. 6. Вид церковно-учительской школы с царской дорожки. Фото: М. Ф. Богданов [Памятка 1904:9].

шения души” [Олесевиц 1913:34]. Решительно взявшись за дело, но не имея большого житейского и педагогического опыта, Ефимовская не смогла сделать предприятие прибыльным. Пансион нес убытки, однако продолжал работать, так как основательница пансиона считала необходимым продолжать дело воспитания и обучения детей. Графиня Ефимовская уделяла внимание не только внутреннему миру детей, прививая прочные начала нравственности, но и физическому воспитанию, чему содействовало рациональное и гигиеническое оборудование общежития и соответствующий режим [Олесевиц 1913:34].

В 1877 г. пансион пришлось закрыть из-за серьезного увечья, полученного Евгенией Борисовной в результате пожара. Одиннадцать месяцев она провела в постели, в августе 1878 г., по совету врачей, выздоравливающую Евгению Борисовну привезли в деревню, где она смогла победить болезнь, опасность грозных последствий ожогов миновала, оставив навсегда лишь незначительную хромоту. Картины деревенской природы и общение с простым народом произвели на нее сильное впечатление, в результате чего в ней происходит серьезная переоценка жизненных ценностей. Прежде всего, это коснулось понимания места и значения простого народа и интеллигенции в общественной жизни России. Ефимовская задается глубинными вопросами о том, “куда идет народ, куда идет интеллигенция, какой из этих двух путей лучше, а если оба хороши, то почему между ними лежит фактическая пропасть и можно ли ее когда-нибудь и как-нибудь преодолеть?” [Олесевиц 1913:38].

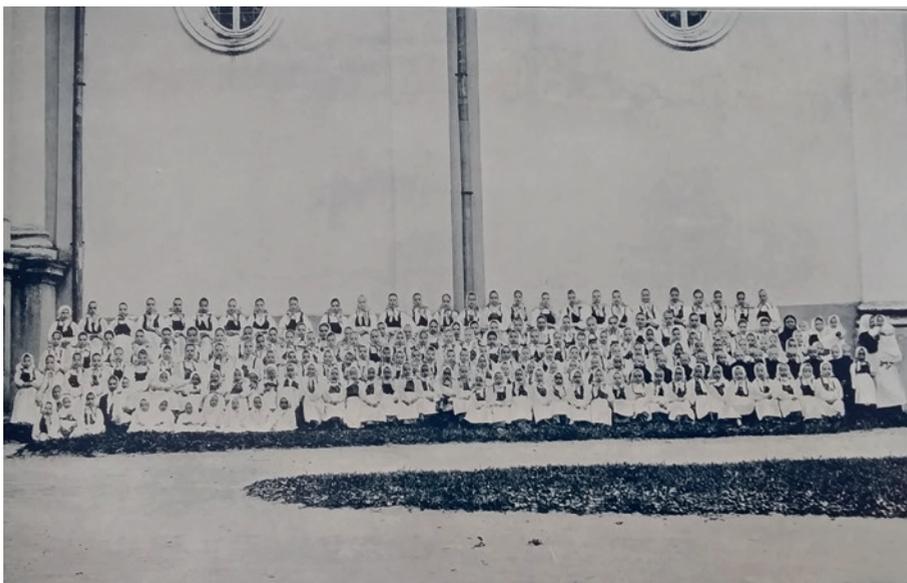

Рис. 7. Группа воспитанниц Леснинского монастыря. Фото: М. Ф. Богданов [Памятка 1904:20].

Дальнейшее путешествие по странам Европы то в качестве учительницы, то в качестве компаньонки, знакомство с И. С. Тургеневым во Франции и Джоном Бёркбеком⁸ в Англии, близкое общение с русскими публицистами, философом Василием Розановым и со многими представителями петербургской и московской профессуры, собственная литературная деятельность, которой она занималась по возвращении из-за границы в Петербург, позволяют Ефимовской быть в курсе современных ей идейных течений. В обществе студентов — товарищей своего брата она близко познакомилась с либеральными направлениями русской мысли, и, как отмечает проф. М. Тареев⁹, ее собственным думам становятся близки Чернышевский, Добролюбов, Писарев [Тареев 1910:61].

⁸ Бёркбек; англ. Virkbeck, Уильям Джон (1859, Норидж — 09.06.1916, Страттон-Стролес), английский религиозный деятель и музыковед. Поездка в Россию в качестве полномочного представителя Архиепископа Кентерберийского Эдуарда Бенсона в 1888 г. на торжества, посвященные 900-летию Крещения Руси, стала поворотным пунктом в судьбе и взглядах Бёркбека. В последующие годы он совершил множество путешествий в Россию как частного, так и официального характера, объездил самые отдаленные губернии, посетил крупнейшие монастыри, а также центры старообрядчества. Дружба связывала его с людьми из разных слоев общества — с царской семьей, К. П. Победоносцевым, св. Иоанном Кронштадтским и др. Он считал, что благо церкви Англии состоит в постепенном сближении с Православной Церковью и, в конечном счете, в соединении с ней.

⁹ Профессор Московской духовной академии Михаил Михайлович Тареев (1867-1934). Начиная с лета 1905 г. осуществил ряд поездок по России с целью посетить места и учреждения, в которых, по его словам, «делаются опыты практического осуществления христианских идеалов...» [Тареев 1910:2]. В числе таких мест оказались холмские монастыри — Леснинский и Вировская Спасова пустынь, а также Крестовоздвиженское трудовое братство Н. Н. Неплюева. Его записки были опубликованы под единым названием «Живые души. Очерк нравственных сил современной России» в 1910 г.

Рис. 8. Группа духовенства с настоятельницей обители игум. Екатериной. Фото: М. Ф. Богданов [Памятка 1904:19].

В 1881-1882 гг. Евгения Ефимовская преподавала в Екатерининском институте благородных девиц в Петербурге и после заняла новое место заведующей младшими классами в епархиальном училище в Великобудищском монастыре Полтавской губернии, «единственно с тем, чтобы иметь полную возможность ознакомиться с высшей формой христианской жизни непосредственно» [Олесевиц 1913:44]. Традиционно в церковной среде считалось, что монашеская жизнь — это высшая форма христианской жизни, доступная каждому христианину: «Не надо, однако, думать, что монашество — какой-то особый идеал, предназначенный только для монахов; и для монахов и не для монахов идеал один — Христос и жизнь во Христе; иночество есть лишь путь покаяния, который ведет человека в светлую отчизну — в дом Отчий и обители Христовы» [Георгиевский 1994:64]. Поэтому свои намерения и идеи в области народного просвещения и образования Ефимовская решает реализовать именно на базе монастыря. Но снова разочаровывается, столкнувшись с «тяжелой атмосферой бездушной формы, убийственной пустотой души, отталкивающим, тупым и бессердечным отношением, особенно к детям» [Олесевиц 1913:44]. Тем не менее Ефимовская проработала в монастыре год, пытаясь изменить то, что было в ее силах. Она сама мыла и вычесывала детям головы, приучала их к опрятности, следила за режимом дня, за приготовлением стола, приносила чистую воду для питья из колодца, скроила и сшила по своему фасону платья девочкам-воспитанницам, а их в училище было больше сотни. Таким образом Евгении Борисовне удалось завоевать доверие учительниц и учениц, встретивших ее сначала недоверчиво.

При всех недостатках монастырской системы Ефимовская относилась почтительно к монашествующим и приучала к этому других. Но через год она покидает монастырь по причине несоответствия большой траты сил мизерности результатов. При этом, как пишет Олесевиц, Ефимовская “старается уяснить себе подлинные причины слишком печальной современной церковной действительности и найти те более совершенные формы, в которые могла бы вылиться ее богатая духовная энергия” [Олесевиц 1913:45]. В дальнейшем лучшим способом применения обретенного опыта и выработанных подходов и принципов педагогической деятельности графини Ефимовской станет не светская и духовная школы, а выстроенная в соответствии с ее собственным видением система школ на базе женского Свято-Богородицкого монастыря в посаде Лесна Седлецкой губернии¹⁰.

Время возвращения Евгении Борисовны из училища в светскую среду ознаменовалось близким знакомством со славянофильским кругом, собиравшимся вокруг семейства Аксаковых. В 1883 г., вернувшись в Москву, она замещает надзирательницу в приюте Анны Федоровны Аксаковой (рожд. Тютчевой). К этому же периоду относится участие графини Ефимовской в благотворительной деятельности Человеколюбивого общества по указанию графини Толстой [Тареев 1910:63].

Новым этапом общественного служения графини Ефимовской стала работа в православной школе С. А. Рачинского¹¹ в Татево в 1883–1884 гг. Проф. М. Тареев характеризует Рачинского как друга славянофилов и “практического поборника идеалов славянофильства в узкой области отношения к детям” [Тареев 1910:55]. Педагогические идеи и общественные взгляды Рачинского, собственный опыт работы в сельской Татевской школе, общение с ее преподавателями и учениками из крестьянской среды с особой остротой поставили перед Ефимовской вопрос религиозного просвещения народа, утоления его духовной жажды. “Русский народ — народ глубоко верующий, и первая из его практических потребностей, наряду с удовлетворением нужд телесных, есть общение с Божеством” [Тареев 1910:56].

В 1884 г. в аксаковском журнале “Русь” под псевдонимом “К.А.”¹² была опубликована статья Евгении Ефимовской “Несколько слов о монастырях по поводу народного образования”, написанная 4 мая 1884 г. в Петербурге. Статья стала откликом на опубликованную чуть раньше в этом же издании заметку с описанием педагогической деятельности школ С. А. Рачин-

¹⁰ Седлецкая губерния до 1912 г. — губерния Царства Польского, в 1912 г. — разделена между Люблинской, Ломжинской и Холмской губерниями.

¹¹ Рачинский Сергей Александрович (1833–1902) — российский ученый, педагог, просветитель, профессор Московского университета, ботаник и математик. Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук. Надворный советник. В 1872 г. вернулся в родовое село Татево, где стал организатором и учителем первой в России сельской школы с общежитием для крестьянских детей. О себе сообщал, что создал восемнадцать школ, в которых училось около тысячи детей.

¹² В своей статье “Монастырь и христианский аскетизм” Ефимовская Е. Б. ссылается на свою статью в журнале “Русь”, тем самым обнаруживая свое авторство.

ского¹³. Многие из описанных автором подходов к устройению школ — связь образования и воспитания с церковной жизнью, общежительное проживание, выбор учителей из числа бывших учеников — будут потом применены в общеобразовательных и сельскохозяйственных школах Леснинского монастыря.

В представлении Ефимовской наиболее подходящим для народного образования и просвещения, традиционным для России, чуждым влиянию западных идей, был монастырь, который, вслед за Рачинским, она считала “громадной дремлющей силой, которой еще суждено проснуться” [*Несколько слов о монастырях* 1884:18]. Монастырь как место служения она выбирает осознанно, будучи убежденной в том, что “сделайся монастырь тем, чем он должен быть, чем был он — рассадником духовного просвещения, соединенным с отречением от мира, служением ближнему и родине, — нет сомнения, что найдутся и мужчины, и женщины образованные, но русские сердцем, которые изберут монастырь поприщем для своей деятельности” [*Несколько слов о монастырях* 1884:18-19]. Кроме того, монастырь должен стать “главнейшей лабораторией”, в которой вырабатывалась бы живая религиозная мысль [*Олесевиц* 1913:113].

Уже в этой статье выявилась одна из ключевых идей графини Е. Б. Ефимовской — *идея общественного служения монастырей, в основании которой были заложены евангельские принципы служения Богу и ближнему*. При этом церковное, христианское служение тождественно для нее служению родине и русскому народу. Кроме того, монастырь мог бы решить давнюю проблему отчуждения интеллигенции и народа от церкви, объединив их в совместном деле народного просвещения. В ходе своей педагогической практики и в результате общения с кругом славянофилов Е. Б. Ефимовская пришла к пониманию того, что общественное служение должно иметь церковные корни, именно церковь должна проявить инициативу в вопросе просвещения русского народа. Последующая деятельность графини уже в качестве настоятельницы монастыря станет воплощением этой идеи.

Также большое влияние на выбор монашеского пути Ефимовской оказал епископ Михаил (Грибановский)¹⁴, который говорил о двух разных путях монашества — созерцательном и деятельном.

Потребность Ефимовской в активной социальной деятельности в области христианского просвещения и народного образования можно рассматривать и как личный ответ на общественно-государственный кризис, который для нее ознаменовался убийством Александра II в марте 1881 г.

¹³ Лясковский, В. (1884). Сельские школы С. А. Рачинского. *Русь*, 6, 14-21.

¹⁴ Епископ Михаил (Грибановский) (1856-1898), епископ Таврический и Симферопольский, духовный писатель. В миру Грибановский Михаил Михайлович. Графиня Ефимовская находилась с ним в переписке, еще со времени, когда еп. Михаил был инспектором Санкт-Петербургской духовной академии. Их роднила друг с другом любовь к русской и зарубежной классической литературе, философской и богословской мысли. Впоследствии епископ Михаил станет духовником игум. Екатерины и познакомит ее со своим студенческим другом митрополитом Антонием (Храповицким). Именно под его влиянием у графини Ефимовской и митр. Антония сформировались восприятие института монашества и понятие о монашеском аскетизме. Еп. Михаилом было основано в стенах Академии особое монашеское братство, т. н. “монашеская лига”.

Поиски Ефимовской в реализации своей идеи широкого духовного просвещения русского народа, в том числе христианского воспитания и образования детей судьбоносно сошлись с предложением архиеп. Холмского и Варшавского Леонтия (Лебединского)¹⁵. Он намеревался основать в традиционно католическом Холмском крае женскую православную общину, которая могла бы оказать существенное влияние на укрепление православия в этом регионе и в перспективе стать просветительно-благотворительным монастырем. По словам игум. Екатерины, создавая обитель, архиеп. Леонтий предполагал через воспитание юношества в духе православия и делами христианского милосердия привлечь снова в лоно Православной Церкви, а также и к общей государственной жизни России “коварством врагов отвергнутый от нее народ”¹⁶.

Становление Леснинского Свято-Богородицкого женского монастыря

25 апреля 1884 г. Св. Синод вынес определение об утверждении в Лесне женской общины [*Преподобная Екатерина Леснинская* 2010:186], но только 20 октября 1885 г. по приглашению архиеп. Холмского и Варшавского Леонтия в Лесну прибыли первые насельницы — Е. Б. Ефимовская с пятью единомышленницами из Москвы и двумя девочками-сиротами¹⁷. Уже через месяц на попечении у Евгении Борисовны оказалось двадцать детей, которых находящиеся в нужде матери приносили в Лесну. Первые помощницы Ефимовской вскоре ее покинули, испугавшись трудов и лишений, но появлялись новые.

В начале июля 1889 г. был издан указ Св. Синода о преобразовании Леснинской общины в монастырь, и сам собой возник вопрос о его настоятельнице. Все четыре года, начальствуя в Богородицкой женской общине, Ефимовская оставалась миряночкой. При этом к ее начинанию было немало вопросов и даже препятствий, как со стороны местного униатского населения, так и со стороны представителей традиционного монашества. Идейные противники, по воспоминаниям современников, пытались вос-

¹⁵ Митрополит Леонтий, в миру Иван Алексеевич Лебединский (1822-1893) — епископ Русской Православной Церкви, митрополит Московский и Коломенский. Почетный член Императорского православного палестинского общества. 16 ноября 1875 г. состоялось перемещение его в Холмско-Варшавскую епархию. С этого времени начинается блестящий период шестнадцатилетней архипастырской деятельности преосвященного Леонтия. Ему предстояла трудная и сложная задача утвердить в православной вере воссоединившихся в 1875 г. униатов с Православною Церковью. Для этой цели и вообще для возрождения русского духа в Холмско-Варшавской епархии и утверждения православия в Привислянском крае им увеличен был состав причтов почти при всех городских церквях, восстановлено много пришедших в разрушение во времена унии православных храмов, а равно устроено много новых; возобновлены в Холме и Замостье православные братства, открыто при Варшавском кафедральном соборе Свято-Троицкое братство, Яблочинский мужской монастырь. Преобразовал Холмскую бывшую униатскую семинарию по образцу всероссийских православных семинарий, для которой, по его настоянию, выстроено было здание в Холме.

¹⁶ Екатерина, игум. с сестрами (1890). От Леснинского женского монастыря. *ХВБВ*, 5, 1.

¹⁷ В разных источниках приводятся разные данные о количестве приехавших с Ефимовской женщин и их статусе, например, что с Е.Б. приехали три послушницы [*Преподобная Екатерина Леснинская* 2010:186]. Мы приводим данные из курсового сочинения С. Олесевича, работавшего с внутренними документами самого монастыря [*Олесевич* 1913:87].

Рис. 9. Воспитанницы Леснинского монастыря, идущие в церковь под наблюдением монахини Дорофеи. Фото: М. Ф. Богданов [Памятка 1904:22].

препятствовать тому, чтобы она стала настоятельницей монастыря, считая, что у ней не было “продолжительного иноческого жития и опыта” [Олесевиц 1913:120]. Большую поддержку ей оказал правящий архиерей — архиеп. Леонтий. Также на свой замысел нового деятельного монастыря она получает благословение старца Оптиной пустыни Амвросия (Гренкова) и всестороннюю, в том числе финансовую, поддержку прот. Иоанна Кронштадтского. Летом 1889 г. графиня Ефимовская приняла монашеский постриг с именем Екатерины, а в сентябре была возведена в сан игуменьи [Преподобная Екатерина Леснинская 2010:187] и назначена настоятельницей Леснинского монастыря.

На момент приезда в Лесну инфраструктура будущего монастыря представляла собой полуразрушенное здание, в котором прежде были келии отцов паулинов и недавно отремонтированные часовня и собор, в котором находилась чудотворная икона Божией Матери¹⁸. А к 1905 г. монастырь стал значительным в регионе хозяйственным комплексом с разветвленной социальной инфраструктурой. В монастыре была целая система школ, включая сельскохозяйственную и церковно-учительскую, развитая система медицинского обслуживания, построены здания приюта, школ, боль-

¹⁸ Леснинская икона Божией Матери была чудесным образом явлена пастуху Александру Стельмашуку в 1863 г. на грушевом дереве, переходила от православных к католикам и обратно, на момент приезда Ефимовской хранилась в построенном на этом месте Свято-Троицком соборе.

ницы, лазарета, аптеки, различные хозяйственные постройки (хлебная, прачечная, молочная), имелись свечное и цементно-черепичное производство. На месте болота стараниями соратницы игум. Екатерины матери Нины¹⁹ при участии местных инженеров была устроена целая система прудов, посажены сады с фруктовыми деревьями, огород, в том числе с лекарственными растениями, имелась своя паровая мельница, пасака и сельскохозяйственные угодья (одна тысяча десятин земли), скотный и птичий дворы. Было построено шесть храмов, в Санкт-Петербурге при поддержке прот. Иоанна Кронштадтского устроено подворье Леснинского монастыря. Два раза в год — на Троицу и в Воздвижение в Леснинский монастырь стекались тысячи богомольцев, иногда приходило до 25-30 тысяч. Поэтому была специально построена железнодорожная ветка для доставки паломников в монастырь.

В 1906 г. в Ялте на пожертвованные средства был приобретен участок земли, на котором построено убежище с домовою церковью для лечения пожилых сестер и воспитанников, нуждающихся в соответствующем климате [*Преподобная Екатерина Леснинская* 2010:193].

Концепция “нового монашества”: выбор в пользу института диаконисс

Концепция “общественного служения” монастырей вызревала у игум. Ефимовской еще со времени написания первой статьи на эту тему — “Несколько слов о монастырях” (1884 г.), в которой она называла иночество монахов, их готовность к самопожертвованию, что составляет духовное содержание обетов при постриге, благодатным условием для реализации такого служения. Деятельное социально ориентированное монашество получило название “нового монашества”. В 1902-1904 гг. на страницах прессы развернулась острая полемика между архиеп. Никоном (Рождественским)²⁰ и А. В. Кругловым²¹, опубликовавшим в “Душеполезном чтении” статью “На службе миру — на службе Богу”²² о задачах современного монашества и приоритетах

¹⁹ Мать Нина, игум. Нина (Косаковская Наталья Григорьевна) (†1949), дочь председателя Виленского окружного суда, ближайшая соратница игум. Екатерины (Ефимовской). Эмигрировала с монастырем в Югославию. После кончины игум. Екатерины (Ефимовской) 18.10.1925 стала настоятельницей монастыря.

В монастырь она ушла против воли отца, была очень слабого здоровья, болела туберкулезом, перенесла несколько тяжелых операций, но при всем этом обладала поразительной энергией и работоспособностью. Игум. Екатерина предоставила ей всю техническую сторону монастырской жизни.

²⁰ Архиепископ Никон (Рождественский), в миру Рождественский Николай Иванович (1851-1919). В 1879 г. еще в качестве послушника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры начал издавать специально для простого народа “Троицкие листки” — маленькие по объему, не более десяти страниц, и ценой в одну копейку проповедническо-просветительские брошюры, которые пользовались большой популярностью среди богомольцев и в немалом количестве рассылались по всей России. В 1879-1899 гг. тираж этого издания доходил до 90 млн. Проект данной публикации был одобрен и получил благословение еп. Феофана Затворника. 12 марта 1880 г., находясь на излечении в монастырской больнице, принял постриг в монашество с именем Никон.

²¹ Круглов, Александр Васильевич (1852-1915) — русский писатель, поэт, издатель и журналист.

²² Круглов, А. В. (1902). *На службе миру — на службе Богу. Душеполезное чтение*. М.: Университетская типография на Страстном бульваре, часть третья, 186-193.

монашеского делания. Эта дискуссия произвела целую череду публикаций и в других изданиях²³, а сам еп. Никон опубликовал в течение 1902-1903 гг. шесть статей, касающихся все того же вопроса православного идеала монашества. Основной вопрос полемики — что является приоритетом монашеского делания в современных условиях российской действительности: служба миру, забота о народе или достижение идеалов созерцательно-аскетической жизни?

Двадцатилетняя практика церковной и общественной деятельности игум. Екатерины в рамках Леснинского монастыря позволила ей стать активной участницей этой полемики. В 1904 г. была опубликована ее статья “Монастырь и христианский аскетизм”, которая до публикации была прочитана и обсуждена в кругу “32-х петербургских священников”²⁴, вызвав широкий резонанс как в консервативных, так и либеральных церковных кругах. В статье она обосновала дело Леснинского монастыря и сформулировала ключевые идеи служения современного монашества: 1) В современной России именно монастыри и монашествующие несут ответственность за просвещение русского народа, так как с этой задачей не справилась интеллигенция; 2) Толчком для такого просвещения должна стать богословская мысль, монастырь — лучшая и может единственная сфера для процветания богословской науки; 3) Цель лучших представителей современного монашества — служить своему народу, быть его наставником и руководителем; 4) Монашество — та сфера жизни, которая “может наиболее приспособить человека к общественной деятельности во всех ее отраслях, где нужен бескорыстный, самоотверженный труд” [*Монастырь и христианский аскетизм* 1904:8-9]. К таким областям общественного труда относятся — школа, начиная с низшей и кончая высшей, больница, приют, богадельня, тюрьма, которые Ефимовская считает “истинным поприщем монашеского труда” [*Монастырь и христианский аскетизм* 1904:9].

Такой общественный труд монашествующих требовал новой формы институционализации и переосмысления самих монашеских обетов, их духовного содержания. Двадцатилетний опыт настоятельства игум. Ека-

²³ См. Спасский, А. А. *Вопрос о монашестве*. https://azbyka.ru/otechnik/Anatolij_Spaskij/iz-tekushej-zhurnalistiki/ (дата обращения: 25.05.2022); Евдоким (Мещерский), архим. (1902). Иноки на службе ближним. *Богословский вестник*, 3, (11, 12), 576-635. РГБ. ОР. Фонд 765. Картон №13. Ед.хр. 9. Л. 1-60; [Белякова, Емченко 2011:253].

²⁴ В период первой русской революции 1905-1907 гг. группа петербургских священников, известная под именем “32-х” (позднее — Союз и Братство ревнителей церковного обновления), выступила с рядом письменных документов и обращений, в которых говорилось о неотложной необходимости реформ в Русской церкви. Активным членом этой группы, в дружеском общении с которыми находилась игум. Екатерина был Константин Аггеев, инициатор создания “Братства ревнителей церковного обновления” и Религиозно-философского общества в Санкт-Петербурге. Из круга “32-х”, наверное, именно Константин Аггеев оказался самым горячим сторонником сближения Церкви и интеллигенции. Принял мученическую кончину вместе с семьей в 1921 г. в Крыму, урочище Багреевка. Кроме того, непосредственное общение игум. Ефимовская имела с Александром Петровичем Рождественским (1864-1930), редактором Церковного Вестника, который первым опубликовал рукопись Ефимовской “Монастырь и христианский аскетизм”, Петром Павловичем Кудрявцевым, профессором Киевской духовной академии (1868-1940), выступавшим за реформу духовной школы. В 1905 г. через игум. Екатерину этой группой передавались Императрице документы по вопросам церковной реформы, в т. ч. доклад о составе Собора [Балакшина 2014:322].

Рис. 10. Хор монастырских певчих с игум. Екатериной и учительницей пения инок. Анатолией. Фото: М. Ф. Богданов [Памятка 1904:17].

терины, ее новаторское отношение к приему женщин и девушек в монастырь, организация духовной жизни и социальных практик (педагогическая, медицинская и др.), богословские изыскания дали ей крепкое основание для того, чтобы в 1905 г. обратиться в Св. Синод с докладной запиской с предложениями о создании Училища и общины диаконисс при Леснинском монастыре²⁵ с возможностью их дальнейшего служения по всей России. Также планировалось дать девушкам и женщинам богословское и медицинское образование, практические навыки служения в общине диаконисс при монастыре. Эта инициатива стала продолжением уже сделанных попыток возрождения древнего чина диаконисс²⁶ и имевшегося опыта служения диаконисс в России в сферах миссио-

²⁵ Докладная записка Настоятельницы Леснинского женского монастыря о восстановлении служения и звания диаконисс, 1905 г. РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 340. Лл. 1-8 об.

²⁶ Такие попытки восстановления чина диаконисс в Русской Православной Церкви делались, например, алтайским миссионером, митр. Макарием (Глухаревым), петербургским священником о. Александром Гумилевским, практически просветительское служение диаконисс осуществлялось "религиозно-просветительным союзом интеллигентных лиц женского пола", учрежденным при С.-Петербургском обществе религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, под руководством "известного столичного деятеля по благотворению прот. К. И. Ветвеницкого". См. Знаменский, Ф., прот. (1906). *Диакониссы древней церкви. Прибавление к Церковным Ведомостям*, 16, 898.

нерского, социального и просветительского служения женщин, начиная с 30-х гг. XIX в., правда без официального утверждения чина диаконисс в Православной Церкви. К возрождению чина диаконисс игум. Екатерина относилась не только как к сугубо церковному проекту. С одной стороны, это была “возможность привлечь верующих женщин к активной церковной деятельности”, с другой — “возможность придать социальной деятельности церковный статус” [Белякова, Емченко 2011:21]. Она надеялась, что многие девушки и женщины откликнутся и смогут добровольно и ответственно послужить в деле просвещения русского народа в условиях нарастающей антиправославной и революционной пропаганды, а также смогут оказать деятельную помощь в решении социальных проблем и христианском утешении всех нуждающихся. “Обширный опыт доказал, что женщина миссионерка лучше умеет вызвать к себе доверие народа и легче сближается с ним, входя по свойственному ей чувству материнства в мелочи жизни, в скорби и нужды простого народа. К женщинам охотные и доверчивые идут за медицинской помощью. Уменьше привлечь к себе матерей дает ей возможность влиять на воспитание детей с самого раннего возраста и давать этому воспитанию религиозно-нравственное направление. Наконец женщины большей частью своей ограничены в своих материальных требованиях и между ними чаще встречаешь стремление к самоотверженной деятельности, желание беззаветно отдать себя на служение ближним” (РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 340. Л. 1 об. -2).

Игум. Екатерина приходит к пониманию того, что для реализации такого замысла нужна новая институция, не нагруженная старыми проблемами и бюрократическими сложностями взаимоотношений со Св. Синодом и епархиальным руководством, отталкивающими от себя, прежде всего, образованных людей. В ее представлении возрожденный институт диаконисс должен тяготеть к идеалам первохристианской жизни, в том числе к идеалу монашескому, который для игум. Екатерины выражался в полной посвященности своей жизни служению Богу и ближнему.

В докладной записке игум. Екатерина писала о том, что ни общины сестер милосердия, ни монастырь не справились с задачей привлечения образованных женщин к миссионерскому служению. В первом случае по причине того, что многие девушки становились сестрами милосердия в поисках лучшего материального положения и не приносили специальных обетов служения. Такая же проблема поиска лучшего социального и материального положения существовала и в женских монастырях. Но даже в тех случаях, когда у поступающих в монастырь мотивация монашеского пути была истинной, сама атмосфера монастыря, его внутренняя жизнь, аскетическая практика со временем превращали девушек и женщин в обезличенные существа. Они переставали быть самими собой, “становясь жертвами самого грубого нравственного насилия и темного беспросветного суеверия” [Диакониссы первых веков христианства 1909:44], когда под видом отсечения своей воли в них убивалось почти всякое стремление к проявлению работы мысли.

Записка игум. Екатерины была рассмотрена 2 и 5 декабря 1906 г. в IV Отделе Предсоборного Присутствия²⁷ и вызвало разную реакцию. Так, против выступил прот. Ф. Успенский, составитель проекта “Правил жизни и деятельности православных диаконисс”, который после рассмотрения 7 июня, был одобрен и постановлением приложен к нормальному уставу православных приходов. Он высказался против “пришлых” диаконисс, отдав предпочтение “своим, урожденным, приходским при своем храме, родной деревне” [Белякова 2004:453], при этом посчитал полезной подготовку диаконисс в таких монастырях, как Леснинский. Такое же опасение по поводу прихода чуждых диаконисс высказывали и некоторые другие участники заседания [Белякова 2004:453]. В ходе обсуждения была дана и положительная оценка предпринятым игум. Екатериной действиям по возрождению института диаконисс, но в итоге отдел решил не изменять составленные прот. Ф. Успенским правила, а записку присоединить к делу²⁸.

Взгляды игум. Екатерины на вопрос, связанный с задачами современного монашества, прошли определенную эволюцию. Если в первых статьях, относящихся к 1884-1904 гг., она возлагала надежду на возрождение монастырей в деятельном ключе общественного служения, то уже через пять лет, в 1909 г., в брошюре “Диакониссы первых веков христианства” такую возможность служения она оставляет только за диакониссами, замечая, что “институт монашества и диаконисс совершенно не одно и то же” [Диакониссы первых веков христианства 1909:42].

Не получив официального разрешения Св. Синода на реализацию своих предложений по возрождению служения диаконисс, но основываясь на положительном отклике части духовенства и успешной практике служения сестер Леснинского монастыря, которое уже осуществлялось по образу древних диаконисс, она продолжила эту деятельность, воплощая свои идеи не по чину, а по духу. Основанием этого служения становились не только и не столько монашеские обеты, а добровольно принятые на себя обязанности и послушания в соответствии с теми требованиями, которые игум. Екатерина считала необходимыми для духовного служения женщины-христианки вообще и диакониссы в частности: воспитание детей, человеколюбивое отношение к людям и усердие ко всякому делу [Диакониссы первых веков христианства 1909:42].

²⁷ До этого вопрос о диакониссах обсуждался в Предсоборном Присутствии уже на нескольких заседаниях, так 20 и 21 марта 1906 г. сообщены отзывы епархиальных преосвященных о восстановлении древнего церковного института диаконисс и было принято положительное решение о желательности восстановления чина диаконисс, в особенности в тех приходах, где существовали женские благотворительные кружки; 20 апреля 1906 г. был заслушан доклад прот. А. П. Мальцева “О внутренней миссии за границей, в том числе диакониссах как одном из органов этой миссии”; [Троицкий 2013:325].

²⁸ Однако в более поздних проектах Положения о приходах пункт о диакониссах исчез. См. Белякова Н. А. (2020). Почему нет рукоположения женщин в Православной Церкви? Дискуссии второй половины XX столетия и исторический опыт Православной Церкви в России. Режим доступа: <http://www.blagovest-info.ru/index.php?ss=2&s=4&id=89699> (дата обращения 25.05.2022).

Социальный и духовный статус населенцев Леснинского монастыря

Игуменья Екатерина следовала общему правилу: в монастырь принимали многих новых сестер, а постригали в монашество немногих²⁹. Еще на этапе общины приходящие женщины и девушки не всегда имели цель стать инокинями, но приходили в Лесну “только временно потрудиться Христа ради на пользу обители (как это делается в Соловецком монастыре), а в то же время научиться чтению и многому полезному. Таких девиц обитель принимала охотно не только как временных помощниц в трудах обительских, но и как распространительниц ее благотворного влияния и православного духа в их будущих семьях”³⁰.

Эта практика приема продолжилась и в последующий период существования Лесны уже как монастыря. Игуменья Екатерина предварительно долго и тщательно испытывала сестер в деле, выбирая инокинь обители с точки зрения их готовности к жертвенному служению. Не все поступавшие в монастырь выдерживали его насыщенную деятельность, искушаясь отсутствием свободного времени для спасения собственной души. Этот аргумент становился основной причиной ухода сестер из монастыря, что свидетельствовало о конфликте двух монашеских парадигм — деятельной и созерцательной.

Ответственность за детей, которых к 1914 г. было в Лесне уже около семиста [Зернова 1973:80], требовало разумного распределения сил и организации различного вида бытовых и сельскохозяйственных работ. Это предъявляло особые требования к аскетической практике.

Особенности аскетической практики Леснинского монастыря

Аскетическая практика Леснинского монастыря была умеренной, что вполне укладывалось в общую тенденцию развития женских монастырей. Как отмечает Н. Е. Шафажинская, “иноческая жизнь в женских обителях, безусловно, требовала учета самой природы насельниц, особенностей женского организма, что и осуществил митрополит Филарет³¹. При написании правил он принял во внимание специфику женского естества и руководствовался принципом умеренности” [Шафажинская 2010:99-100].

²⁹ Например, по состоянию на 1913 г. соотношение было следующим. Постриженных сестер и белиц по состоянию на 1913 г. — 342 сестры, кроме матушек Екатерины и Нины, в т.ч. мантийных — 29, рясофорных — 112, белиц — 201 [Олесевиц 1913:214-215]. При этом из воспоминаний митр. Евлогия (Георгиевского) известно, что за пять лет, когда он был ректором Холмской семинарии (1897-1902), он совершил около пятидесяти постригов [Георгиевский 1994:108].

³⁰ Исторические сведения о Леснинской православной женской общине (Седлецкой губернии, Константиновского уезда). Составитель М. Н. Г. с 4 рисунками. СПб.: Типография Товарищества “Общественная польза”, 1888. с. 14.

³¹ Митрополит Филарет (Дроздов), в миру Василий Михайлович Дроздов (1782-1867) в 1840 г. посвятил настоятельницу Спасо-Богородицкого монастыря Марию (Маргариту Михайловну Тучкову) в сан игуменьи по чину диаконисс с возглашением слов “повели”, “повелите” и “аксиос” трижды [Троицкий 2013:312]. Также составил правила иноческого общежития для нескольких женских монастырских общин, например, для сестер Аносинского Борисо-Глебского монастыря, получившего название Женской Оптиной и возникший в деревне Аносине под Москвой. Его основательницей была княжна Евдокия Николаевна Мещерская [Шафажинская 2010:99].

Главный смысл аскезы в Леснинском монастыре заключался в самопожертвовании и самоограничении ради ближнего. Поэтому игуменья сдерживала своих сподвижниц от традиционного уклона борьбы со страстями, считая ее не целью и смыслом монашеского подвига, а результатом христианской любви подвижника [Олесевиц 1913:213]. Игуменья Екатерина не только не следила в своем монастыре за строгим исполнением аскетического устава, даже запрещала постническое изнурение тем сестрам, которым это угрожало болезненностью, отвлекающей от дела, некоторые сестры в качестве послушания пользовались мясным столом [Тареев 1910:51]. Игуменья Екатерина решительно отвергала идеал “вечно голодного брюха и худых щек” [Олесевиц 1913:213], считая, что высший аскетизм доступен только избранным. “Живите милые так, как Бог создал, а не уродуйте себя”, — говорила игуменья Екатерина увлекающимся крайним аскетизмом [Олесевиц 1913:214].

Сестры сами жили очень скромно, в менее устроенных условиях, чем те, кому они помогали, особенно в период становления Леснинского монастыря, в ветхом доме, переделанном из хлебных амбаров. Прот. Николай Глинский, постоянный автор заметок о жизни Леснинского монастыря в “Холмско-Варшавском епархиальном вестнике”, об условиях проживания сестер писал, что они не имеют специального помещения, “ютятся на чердаке, редкие имеют келью”³². Прот. Наум Мизецкий отмечает тот факт, что сестры, которые заботятся об очень многих людях, при этом сами не имеют вдоволь еды: “Картофель они ели только по праздникам! И никому об этом они ни говорили, ни писали. Терпя, терпели!”³³. Все средства, собственные и жертвователей, сестры монастыря тратили на помощь нуждающимся, устройство приютов, школ и пр.

Несмотря на большой объем социальной деятельности, богослужения в монастыре совершались строго по монашескому уставу. Из воспоминаний Иосифа Фуделя³⁴: “День начинается в 3 ½ часа утра, когда сестры выслушивают полунощницу и утренние молитвы. Затем им читается и объясняется дневное Евангелие и Апостол. Те, которые свободны от послушания, выслушивают утреню и литургию. Вечерня с повечерием также бывает ежедневно. День оканчивается вечерним правилом по обычаю”³⁵. Молитвенная, богослужebная жизнь Леснинского монастыря, помимо ее внутреннего значения, была во многом сориентирована под просветительские и миссионерские задачи.

³² Глинский, Н., прот. (1905). Три дня в Леснинском монастыре. *ХВБВ*. 40, с. 480.

³³ Мизецкий, Н., прот. (1895). Иноческая женская обитель в с. Виров Седлецкой губ. *ХВБВ*. 17, с. 273.

³⁴ Фудель, Иосиф Иванович (1864-1918) — протоиерей Русской Православной Церкви, русский общественный и церковный деятель, публицист. Близкий друг и первый издатель собрания сочинений философа К. Н. Леонтьева, в переписке с которым находилась игуменья Екатерина (Ефимовская). В 1889 г. получает предложение от игуменьи Екатерины стать священником в Леснинском монастыре, но по личным обстоятельствам предложение не было принято. В этом же году по благословению преподобного Амвросия Оптинского был рукоположен в сан священника в Вильно, затем служил в Белостоке в кафедральном соборе св. Николая, состоял законоучителем в различных учебных заведениях. Его брошюра о положении православия в Северо-западном крае имела общественный резонанс. В 1892-1907 гг. служил в храме Бутырской тюрьмы в Москве, благодаря своим личным качествам и вниманию к осужденным снискал славу “тюремного батюшки”.

³⁵ Фудель, И., свещ. (1893). *Наше дело в Северо-Западном крае*. М.: Унив. тип., с.34.

Обращает на себя подвижничество самой игум. Екатерины и влияние ее личности на общую атмосферу Леснинского монастыря. К себе она относилась строго, выполняя часто самую тяжелую работу. М. Тареев вспоминал: “Устраивая обитель, ведя обширную переписку, создавая планы построек и учебно-воспитательного дела, Евгения Борисовна сама носила дрова и воду, сама ухаживала за первой купленной коровой и — сверх всего — отправляла обязанности псаломщика” [Тареев 1910:69]. А это свидетельство митр. Евлогия (Георгиевского): “В Леснинском монастыре создалась какая-то особая культурная атмосфера. Характерными его чертами были: разумный, неослабный труд и духовное воодушевление. Душою обители, несомненно, надо признать матушку Екатерину. Это была святая душа. К себе строгая, подвижница-молитвенница и постница, к другим снисходительная, всегда веселая, — она была общительна, любила пошутить, пофилософствовать, побогословствовать, имея для этого данные. Духовный подвиг несла сокровенно, замечая следы, и лишь приближенные сестры догадывались, что она по ночам подолгу молится” [Георгиевский 1994:110].

Новаторская педагогика в школах Леснинского монастыря

Основное послушание сестер монастыря было связано с делом воспитания и образования детей, взятых на воспитание или принятых на обучение в школах монастыря. При этом стоит отметить, что на протяжении всего времени количество детей почти в два раза превышало количество насельниц, а девизом сестер стали слова: “Все для детей, ничего для себя” [Олесевиц 1913:157]. В отношении детей игум. Екатерина ставила простую задачу — вырастить, воспитать и заложить в души детей “прочный фундамент для честной самостоятельной жизни” [Олесевиц 1913:157-158], чтобы “поток социально-общественных отношений не увлек бы их бурным своим стремлением и не застигнул бы врасплох, как совершенно беспомощных” [Олесевиц 1913:164-165]. Будущее воспитанников игум. Екатерина не связывала только с монастырем. Их готовили для полноценной жизни в обществе. По окончании школы или училища воспитанницы Леснинского монастыря могли сами выбирать путь дальнейшей жизни. Не редкими были случаи замужества, девушкам помогали собрать приданое и даже венчали в монастырских храмах. Кто-то оставался в родной крестьянской среде, также девочки получали места учительниц в Холмской епархии [Памятка 1904:4], кому-то игум. Екатерина помогала найти место в качестве учительниц в крупных городах у своих знакомых. Особенно содействовали тем, кому приходилось возвращаться в униатские семьи: для таких девушек специально устраивали паломничества с целью укрепления в православной вере.

Первая школа в Леснинском монастыре была открыта 20 октября 1886 г., в 1895 г. — церковно-учительская школа, а годом ранее, в 1894 г., в соседней деревне Бордзиловке — ремесленная школа с общежитием для мальчиков. Устройство системы школьного образования в Леснинском монастыре подробно описал профессор М. М. Тареев: “Леснинская школа — целая система последовательных школ: школа грамоты с 3-летним курсом, двухклассная с пятью отделениями, второклассная трехлетняя и церковно-учительская тоже трехлетняя. Три года школы грамоты соответствуют первым трем

Рис. 11. Группа воспитанников церковно-учительской и образцовой школ в селе Борзиловке с заведующим о. Владимиром и учительским персоналом. Фото Ковальского [*Памятка* 1904:25].

годам двухклассной школы; пройдя эти три класса, одни ученицы продолжают в двух старших отделениях двухклассной школы, а другие — лучшие поступают во второклассную школу. Эта последняя выпускает учительниц для школ грамоты, но лучшие ученицы продолжают учение в церковно-учительской школе, которая, таким образом, имеет в общем девятилетний курс, с программой почти гимназической, и приготавливает учительниц для церковно-приходских школ. Ученицы низших классов, обнаруживающие менее склонности к теоретическому обучению, переводятся в практические школы сельскохозяйственную и ремесленную. Младшие классы являются вместе с тем местом практически-учительских занятий учениц старших церковно-учительских классов” [*Тареев* 1910:64–65].

Известно, что Леснинские школы после посещения монастыря царской семьей в августе 1900 г. получили высокую оценку императрицы Александры Федоровны³⁶. По свидетельству С. Олесевица, в Лесне все школьное воспитание и управление было построено “исключительно на живом взаимном доверии и любви учащих и учащихся, вдохновляемой все той же и. Екатериной” [*Олесевиц* 1913:185–186]. Игум. Екатерина следила за тем, чтобы учащие и учащиеся не делились, как это было повсеместно в светских и церковных учебных заведениях, на два противоположных и вечно враждующих лагеря. Она предпринимала личные усилия к тому,

³⁶ Этот “высокий и в высшей степени лестный” отзыв передал митр. Евлогий детям в 1905 г. См. (1905). *ХВБВ*, 10, 480.

чтобы в случае каких-то недоразумений или в ситуации появившегося недоверия установить между ними нормальные отношения. Но если кто-то из преподавателей не пользовался доверием учеников, игум. Екатерина без колебания отстраняла их от работы, либо они увольнялись сами.

Принцип единства между учениками и педагогами в школах способствовал установлению особой доверительной, даже семейной атмосферы как в самих учебных заведениях, так и во внутренних отношениях между всеми живущими в монастыре. Стоит заметить, что в школах почти не было проступков дисциплинарного характера, а если редко что-то происходило, то учеников не наказывали, а исправляли добрым отношением.

Об особой атмосфере Леснинского монастыря свидетельствовали многие и внешние гости, посещавшие его в разное время, например Николай Иванович Соколов, душеприказчик Е. И. Якубович (г. Ялта), на средства которой в 1907 г. в Ялте было устроено убежище для слабых и больных сестер. В своей заметке, опубликованной в «Холмско-Варшавском епархиальном вестнике», он писал: «Вот что достоверно мне известно: <...> Почти все сестры — личности образованные, добрые во всем помощницы и составляют одну семью»³⁷.

Семейный характер отношений, как упоминалось ранее, являлся идеалом, который пыталась достигнуть Евгения Борисовна в предыдущей педагогической деятельности. Но он оказался недостижим в рамках казенных учебных заведений, светских и церковных, за исключением школ С. А. Рачинского, в которых она на практике увидела его воплощение.

Семейные, родные отношения формировались и в результате попечения старших девочек над младшими воспитанницами приюта: по замыслу игум. Екатерины, такая забота была школой будущей жизни для девочек в обществе в качестве матерей и домохозяек. В круг обязанностей старших девочек входила помощь в соблюдении чистоты в одежде, постельных принадлежностей и всего, что окружало младших детей, также они укладывали малышей спать, в том числе — читали молитвы на ночь. Так, прожив вместе несколько лет, старшая девочка (няня) привязывалась к своей воспитаннице, «начинала смотреть на нее, как на родную, и на всю жизнь потом между ними устанавливались чисто-родственные отношения» [*Олесевиц* 1913:165].

Кроме того, семейная атмосфера поддерживалась личным участием игум. Екатерины в судьбе принимаемых в приют детей. Игум. Екатерина сама встречала ребенка, когда он попадал в приют, первый раз купала и одевала, а ночами, «запершись в своей келии, каждую ночь по несколько часов сряду, выстаивает в горячей молитве, в которой поименно поминает сотни своих воспитанниц, как настоящих, так и бывших» [*Олесевиц* 1913:160, 180-181]. После окончания школы многие воспитанницы писали сердечные, благодарные письма игуменье и сестрам монастыря, а в случае финансовых и другого рода затруднений им всегда оказывалась помощь, в том числе лично игум. Екатериной.

³⁷ Соколов, Н. И. (1904). Убежище Леснинского монастыря в Ялте. *ХВБВ*, 15. 187.

Еще один принцип отношения к детям в Леснинском монастыре, которого придерживалась игум. Екатерина, — отсутствие строгой регламентации и осторожное, бережное отношение к чужой религиозной совести³⁸. По ее глубококому убеждению, жесткая регламентация способна была убить всякую религиозную жизнь в детях еще в самом начале их жизненного и духовного пути [Олесевиц 1913:177]. Прочные начала религиозности и церковности воспитывались в детях всем внутренним строем иноческой общины: “Жизнь родит жизнь и добро родит то же добро. Постоянно живя в атмосфере горячей молитвы и тесных неподдельных отношений со Христом, дети и сами заражаются той же живительной атмосферой живого религиозного духа, какого нет почти нигде у нас ни в каких других школах”, “дети <...> на каждом шагу здесь видят, как люди, оставив высокие титулы, звание и положение, с одним Христовым именем на устах, самоотверженно трудятся для других так, чтобы для самих себя они вовсе не существовали” [Олесевиц 1913:176–177].

Посты и прочие религиозные обязанности в Лесне больше возлагались на совесть учащихся, чем на внешнее принуждение и строгое преследование школьного начальства. Поэтому на молитве для детей делалось послабление — на литургию маленькие девочки (приютские и одноклассной школы) могли приходиться после часов, а на всенощной, приложившись к Евангелию или к иконе, сразу уходили. Старшие, хотя и выстаивали всю службу, но на кафизмах и других длинных чтениях садились на пол на постланные коврики и в продолжение службы пользовались правом свободного выхода из церкви. В целом, молитвенная жизнь детей и их участие в богослужениях строилось на тех же принципах духовной свободы и непринуждения, с малого возраста развивая инициативу и самостоятельность, предоставляя возможность пения на клиросе, а также чтения часов, кафизм, канонов, паремий и апостольских посланий. Для детей устраивались и специальные торжества в праздники Введения во храм Пр. Богородицы и Вход Господень в Иерусалим с целью религиозного воспитания, чтобы “дети чувствовали радость церковного торжества и в последующей своей жизни почитали бы великим для себя лишением не встретить праздника в церкви” [Олесевиц 1913:174].

Важным подходом в вопросах религиозного воспитания детей стало их включение во все события монастырской жизни — праздничные и будничные. С детства детям прививался навык самообслуживания. Девочки в школе сами убирали классы, другие помещения школы, но тяжелую работу выполняли сестры монастыря, количество которых, как отмечалось, практически всегда было меньше, чем количество детей. Девочки сами шили себе форменную одежду, обшивали приютских малолеток, выполняли другие хозяйственные работы вместе со взрослыми сестрами, летом работали в огороде, саду, на покосе. Но всегда при этом соблюдался принцип, чтобы работа не подрывала здоровье.

³⁸ Деликатное отношение к “людской совести” отмечает в своих заметках и С. Колосов, у которого по приезду в Леснинский монастырь никто не спросил “открытого листа” или паспорта и не стеснялся расспросами о целях посещения. См. Подвиги Леснинского женского монастыря. Из записной книжки С. Колосова (1899). ХВБВ, 37, 470.

Трудовые навыки были важной частью воспитания, исходя из главной цели — подготовки детей к взрослой самостоятельной жизни. Для девочек была возможность получения знаний и навыков учительской профессии и сельскохозяйственных специальностей. Для мальчиков — различные мастерские навыки в Бродзиловской двухклассной школе: при школе были токарная, слесарная, столярная, сапожная, переплетная мастерские [*Памятка* 1904:4]. Кроме того, до появления церковно-учительской школы была традиция летних отпусков для девочек, когда они жили и трудились в крестьянских семьях. Этим игум. Екатерина решала еще одну задачу — не вырывать детей из их родной среды, а наоборот, за время обучения в Леснинском монастыре максимально адаптировать и подготовить детей к жизни в знакомом им социуме, чтобы они не оказались в безвыходной ситуации и им не пришлось совершать поступки против совести и привитых им нравственных принципов жизни.

Во многом деятельность Леснинского монастыря определялась личными убеждениями и церковными устремлениями игум. Екатерины. Для нее было принципиально важным преодолеть опасное разделение Церкви и культуры, духовной и материальной сфер жизни. В брошюре “Христианство нашей школы и христианство Слова Божия”, выпущенной в 1910 г., она убедительно показала печальные последствия такого односторонне религиозного подхода в образовании: “Дети болеют, хиреют, часто даже тупеют от усиленного труда и при этом озлобляются, получают полное отвращение к науке, считают учение необходимым злом и только неизбежной ступенью для достижения материальных благ или общественного положения” [*Христианство нашей школы* 1910:1].

Поэтому в отличие от традиционных подходов к образованию в духовных школах, когда религиозное воспитание не допускало светских развлечений и форм досуга, в школах Леснинского монастыря игум. Екатерина не боялась сочетать церковные формы жизни и педагогической практики со светскими. По этой причине в Лесне уделялось огромное внимание вопросам эстетического воспитания, а в образовательной программе было много предметов не сугубо религиозного характера. В частности, особое значение имело изучение художественной литературы, герои которой становились образцами духовно-нравственной жизни и поступков. По этой же причине игум. Екатерина с самого начала “завела в леснинских школах в самых широких размерах разные вечера, маскарады, танцы и великолепные елки” [*Олесевиц* 1913:185]. С той же целью было очень хорошо поставлено преподавание музыки. Особое внимание в Лесне, начиная со школы, уделяли воспитанию самостоятельной мысли: “В леснинских школах хотят достигнуть не только стилистики, но и сознательного отношения к самому себе, к своей психике — будят мысль, будят чувства и направляют волю” [*Олесевиц* 1913:182]. Это правило касалось и взрослых насельниц монастыря, с которыми игум. Екатерина беседовала на самые разные темы, считая для русской женщины необходимым иметь высшее богословское образование [*Зернова* 1973:79].

Важное значение в деле религиозного воспитания имели праздничные торжества, которые носили не только церковный характер. В исследуемых источниках имеется описание совместного празднования сестрами монастыря и детьми праздника “обжинок” (конец уборки озимого хлеба), оставленное в дорожных заметках С. Колосовым, случайно посетившем Лесну в 1898 г. Автора заметок особенно впечатлила сцена труда жниц, среди которых наравне трудилась и игум. Екатерина: “Внешность жниц, их оживленные лица и вся вообще обстановка поля вовсе не напоминают монастырского послушания. Даже мать игумения <...> и та взялась за серп и показала себя, работая до вечера плечо в плечо с серпом, ничем не хуже заправской великорусской жнеи” [Колосов 1899:470]. Также его впечатлил размах трапезы, в которой участвовали более ста человек, и семейный, неиерархический характер отношений между игум. Екатериной и сестрами Леснинского монастыря: “Игуменья, устроив всех и все, села последней. За трапезой равенство полное. Ни жеманства, ни условностей с расшаркиваниями. Перед едой и после молитва” [Колосов 1899:471].

Социальные практики Леснинского монастыря (медицина, просвещение)

Кроме воспитания детей, еще одним важным служением сестер Леснинского монастыря стало оказание медицинской помощи местному населению и забота о заключенных. Заметим, что учреждение больниц и богаделен при монастырях было общей тенденцией в Российской империи. По данным Св. Синода, при монастырях в 1885 г. действовало 79 больниц, однако посторонних из них обслуживали 25 больниц, при этом при мужских монастырях таких больниц было 11, при женских — 14 [Белякова, Шок 2021:21].

Всем больничным делом в Леснинском монастыре — и врачебным, и аптекарским, и фельдшерским — заведовали сами сестры. Во главе этого дела стояла казначея монастыря, мать Нина, которая обладала незаурядными знаниями в области медицины, полученными под руководством своего умершего брата-доктора [Олесевиц 1913:193]. В начале деятельности монастыря, до приезда матери Нины, и сама игум. Екатерина оказывала врачебную помощь, обладая в этой области довольно солидными практическими и теоретическими познаниями. Ее заботами в Лесне еще в 1889 г. была устроена небольшая аптека с бесплатной раздачей лекарств для народа.

В источниках подробно описаны медицинские учреждения Леснинского монастыря: “Громадная больница устроена была богато; заботливо оборудовано было и все необходимое: отличный операционный кабинет и отдельные палаты для заразных больных, особенно с кожными болезнями, которыми страдали местные дети. Удовлетворяя собственным нуждам монастыря, больница принимала еще несколько тысяч в год сторонних амбулаторных больных, которым бесплатно выдавала и лекарство. Имелся лазарет — отлично отделанное внутри громадное здание, в котором было постоянных до 60 кро-

ватей: около 40 для монастырских обитательниц и 20 кроватей для народа”³⁹.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что при оказании медицинской помощи не делалось различия между национальностями и исповеданиями [Олесевиц 1913:196]. При этом известен факт, что игум. Екатерине неоднократно давали понять сверху, чтобы эту свою деятельность она употребляла в миссионерских целях. Но игум. Екатерина категорически заявляла, что “никакой политики в дело человеколюбия и милосердия не допустит, так как это была бы недостойная купля и насилие чужой совести, никому и ни для чего не нужная, а положительно только вредная. Лесна одинаково благотворит как православным, так и католикам, и евреям — опасаясь проявить в своей благотворительной деятельности даже тень обоюдоострого прозелитизма” [Олесевиц 1913:196-197]. Этим бережным отношением к свободе совести человека, его духовному выбору игум. Екатерина и ее монастырь снискали к себе всеобщую любовь и уважение как у иноверцев, так и у инородцев.

Оказание врачебной помощи в Леснинском монастыре стало масштабным делом, в том числе в связи с отсутствием земских больниц в сельской местности и дороговизне медицинских услуг. Помощь оказывалась круглосуточно, специального учета больных за неимением времени не велось, но, по подсчетам С. Олесевица, услугами Лесны пользовалось около 25-30 тысяч человек, лично при нем в летнее время ежедневно приезжало 15-20 подвод с больными, а иногда это цифра доходила до сорока [Олесевиц 1913:194]. Местное население обращалось с самыми различными болезнями, преимущественно с кожными заболеваниями и различными механическими повреждениями, но не принимали инфекционных больных из-за отсутствия специалиста и опасности распространения заболевания при большом количестве находящихся в монастыре детей.

Самое трудное в монастыре больничное послушание несла бывшая сестра милосердия мать Севастьяна, которая, как настоящая диаконисса, самоотверженно принимала в день 60-80 человек. “Бледная, уставшая, сама с мучительными головными болями — она, подобно ангелу-хранителю, приветливо встречает каждого больного, расспрашивает о его житье-бытье, выпытывает историю о возникновении болезни, затем тщательно осматривает его, рассказывает ему суть и лечение болезни и дает нужные для этого лекарства” [Олесевиц 1913:195]. Помощь больным оказывалась не только в монастыре, но и на дому в случае острой необходимости, часто это происходило в ночное время.

Кроме непосредственной помощи больным, мать Севастьяна вела и широкую просветительскую работу, давая элементарные знания в области гигиены и медицинского ухода. Лекарства изготовлялись в основном из выращенных на огороде растений, и в эту работу были вовлечены как сестры монастыря, так и дети, которые с малого возраста приучались есте-

³⁹ Количество мест в больнице в разных источниках отличается, так, например, С. Олесевиц приводит данные об амбулатории для приходящих больных на десять коек [Олесевиц 1913:193], эта же цифра приводится в отчете обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1912-1913, хотя в других источниках упоминается больница на двадцать пять коек [Белякова, Шок 2021:37].

ственным образом заботиться о ближнем. Цена лекарств в прекрасно оборудованной монастырской аптеке была существенно ниже, чем в городских, фактически с посетителей плату брали только за посуду и те лекарства, которые приобретались на стороне. По свидетельству С. Олесевица, такое добросовестное отношение сестер к своему делу вызывало симпатии даже у прежде относившихся враждебно бельских и яновских врачей, которые направляли своих пациентов за рецептом и лекарствами в Леснинский монастырь [Олесевиц 1913:198].

Милосердное служение осуществлялось сестрами монастыря и в отношении заключенных. Преимущественно в большие праздники в бельскую тюрьму посылали целые партии обуви, одежды, белья и других принадлежностей, в которых нуждались заключенные. Игум. Екатерина на протяжении двадцати пяти лет на Пасху лично приветствовала арестантов, вручая богатые подарки и пасхальное яйцо.

Благотворительная деятельность сестер и настоятельницы для внешних людей стала действенной проповедью православия. О благотворном влиянии служения милости и заботы, когда каждому нуждающемуся в еде, крове, медицинской помощи и житейском совете оказывалась помощь, свидетельствуют практически все, кто писал о монастыре в годы его деятельности в Холмском крае. Например, М. Ф. Богданов так писал об этом в 1904 г. : “Встреченные окружающим населением с недоверием, даже враждебно, сестры в настоящее время приобрели полнейшее доверие и расположение многих окрестных жителей, <...> что в особенности тронуло, до глубины души умилило — это радостное трудовое настроение почтенных насельниц Св. обители, которые при всех своих громадных трудах и лишениях, так светло и радостно на все смотрят, так ласково встречают вас, стараются во всем вам услужить. <...> Пробыв с ними несколько времени как-то бодрее, светлее на все смотришь; каким-то теплом веет от них, как-то чувствуешь, что тут тебя поймут, разделят все скорби и недоумения, ободрят и облакают. А отсюда понятно, почему монастырь в короткое время приобрел расположение окрестных жителей: ведь ничто так не привлекает сердца людей, как любовь” [Памятка 1904:2-5].

Авторитет Леснинского монастыря, распространение опыта “нового монашества” в Холмском крае

Новаторский опыт Леснинского монастыря, несмотря на сложное отношение к нему представителей консервативного крыла монашества, имел живой отклик со стороны простого народа Холмщины и поддержку местной церковной иерархии, в том числе, как отмечалось выше, архиеп. Евлогия. Поэтому начиная с 1894 г. в Холмщине появляются новые женские обители, созданные по образцу Леснинской. Уходили 10-12 сестер под водительством более опытной и устраивали новый монастырь, который, в свою очередь, развивался на основах леснинских традиций. Таким образом были созданы Вировский монастырь, основанный матерью Анной (Потто), “самоотверженной, ревностной монахиней”; Теолинский монастырь, настоятельницей которого была мать Людмила; Радочницкий монастырь, во главе которого стояла мать Афанасия (Громеко), “умнейшая, образованнейшая монахиня

с литературными способностями”; Красностоцкий монастырь, настоятельницай его была мать Елена, “большая ревнительница монашеской жизни и широко развившая ее в своей обители в духе и направлении своей родоначальницы — м. игуменьи Екатерины”; Турковицкий монастырь, настоятельницай его была высокообразованная мать Магдалина (Горчакова) [Георгиевский 1994:107-108]. Также в 1894 г. в селе Вулька Плебанская, недалеко от г. Бела, Леснинский монастырь открыл при щедрой помощи прот. Иоанна Кронштадтского школу-приют для девочек. По замечанию митр. Евлогия “монастыри были обвеяны одним духом, связаны единством духовно-просветительных методов монашеского труда — и стали для холмского народа необходимой и крепкой опорой” [Георгиевский 1994:107]. Деятельность этих монастырей, как и Леснинского, имела по-настоящему миссионерский, просветительский характер. Сестры не боялись выходить за стены своих обителей, поэтому вокруг них возникали приюты, школы, больницы. По свидетельству митр. Евлогия, сестры распространяли свою деятельность и за пределы этих учреждений; ходили по деревням — к роженицам, к больным, к старушкам, погребали безродных, оказывали самую разнообразную помощь местному населению. Также встречается упоминание о том, что сестры ходили в соседние деревни не только для лечения больных и оказания помощи, но и с беседами о вере⁴⁰.

Вклад игум. Екатерины в восстановление самостоятельности Холмской Руси

В 1905 г., когда после оглашения 17 апреля Указа “Об укреплении начал веротерпимости” за 2-3 недели около двухсот тысяч православных перешли в Холмском крае в католичество в результате экономического давления со стороны польских помещиков, сестры монастыря и лично игум. Екатерина поднялись на защиту православия [Олесевиц 1913:203]. Чтобы развенчать активно муссирующиеся слухи о переходе семьи императора и прот. Иоанна Кронштадтского в католичество, игум. Екатерина, пользуясь своими связями при дворе, организовала в мае 1905 г. аудиенцию холмской делегации крестьян и еп. Люблинского Евлогия (Георгиевского) у императора Николая II, чтобы они могли лично убедиться в ложности проводимой антиправославной агитации⁴¹. В это время, пока игум. Екатерина была в Санкт-Петербурге, сестры монастыря с детьми и учениками ходили крестным ходом с чудотворной иконой Божией Матери по окрестным селам и деревням, крестные ходы продолжились и по возвращении игум. Екатерины уже под ее руководством. Миротворческая миссия сестер Леснинского монастыря имела добрые плоды: “Такая попечительность монастыря действительно успокоила многих, объединила их и создала силу, которая может парализовать насилие хоть в некоторой части приходов”⁴².

⁴⁰ Попов Михаил, прот. (1900). О приходском братстве. *Архангельские епархиальные ведомости*, 15, 393.

⁴¹ Об описанном случае встречи холмской делегации с императором Николаем II. См. [Георгиевский 1994:107] и (1905). *ХВБВ*, 40, 480.

⁴² Глинский Н., прот. (1905). Праздник Св. Троицы в Леснинском женском монастыре. *ХВБВ*, 28, 334.

Общественная деятельность игум. Екатерины по восстановлению самостоятельности Холмского края продолжилась, когда после 17 октября в крае поднялось национальное польское движение и русским угрожала такая же опасность, как после 17 апреля. Лесна в лице игум. Екатерины первая выступила на защиту русской народности и первой подняла вопрос о выделении Холмской Руси из состава Царства Польского. В начале ноября 1905 г. она вместе с еп. Евлогием и другими wybranными лицами снова ездил в Петербург к императору, выхлопотав для Холмской Руси особого депутата в Государственную Думу. По мнению С. Олесевица, вопрос выделения Холмской Руси был положительно решен в Государственной Думе “исключительно благодаря хлопотам и стараниям леснинской игуменьи, смело предстательствовавшей за Холмско-Подляшский край перед императором и высшим правительством, нередко перенося незаслуженные обиды и оскорбления” [Олесевиц 1913:211-212]. Олесевиц в связи с этим вопросом лишь упоминает участие еп. Евлогия (Георгиевского), не отводя ему особой роли. В свою очередь, в воспоминаниях митр. Евлогия никак не отражены события ноября 1905 г. и особая роль игум. Екатерины. Поэтому этот вопрос требует дополнительного исследования.

В 1915 г. часть насельниц монастыря (300 сестер) в связи с событиями I-й мировой войны была вынуждена эвакуироваться в Петроград, а часть, с приютскими детьми, — в Понетаевский монастырь Нижегородской губернии и в Тверскую губернию, далее был путь в Бессарабию (Жабский монастырь). В 1920 г. по приглашению принца-регента Королевства сербов, хорватов и словенцев Александра сестры с детьми были размещены в монастыре Хопово на Фрушской горе. Хотя возобновить социальную и просветительскую деятельность в прежнем объеме было невозможно, монастырь стал одним из центров духовной жизни русской эмиграции. В сентябре 1925 г. в монастыре состоялся III съезд Русского студенческого христианского движения, во время которого мать Екатерина, несмотря на преклонный возраст, активно общалась с молодежью. Скончалась мать Екатерина 18 октября 1925 г. и была похоронена в Хоповском монастыре.

Заключительные замечания

Церковно-общественная деятельность игум. Екатерины (Ефимовской) и общины сестер Леснинского монастыря стала воплощением идеи общественного служения, т.н. “нового монашества”. Сам тип деятельного монашества для женских обителей был традиционен и распространен повсеместно в России. Но отличительной чертой Лесны стало служение сестер обители по образу древних диаконисс, которые прежде всего призваны были к широкой просветительской, миссионерской деятельности, в том числе через различные социальные практики. При этом, заметим, что сам институт диаконисс и попытки его возрождения в России не воспринимался игум. Екатериной как специфически социальный феномен, ее сознание было глубоко религиозным и укоренено в христианской традиции. Хотя не стоит игнорировать ее обширные связи в светских кругах, в том числе близкое знакомство и общение с императорской семьей, которые при необходимости она использовала в практических целях для устройства дел Леснинского монастыря.

В основании общественного служения сестер обители был *просвещенный труд*, который стал ответом на так называемую проблему Марфы и Марии, сочетания социальной деятельности с ценностями христианской веры и традиции, которая так остро стояла перед интеллигенцией. Этот труд не являлся частью аскетической практики, наоборот, творческий, просвещенный характер труда на благо ближнего требовал переосмысления аскетического делания, соподчиняя его главному делу монастыря — воспитанию и образованию детей.

Качественными характеристиками такого просвещенного труда стали: постоянная забота о ближнем в духе христианского милосердия и братолюбия, в том числе попечение о детях, с целью воспитания и образования будущих граждан России на евангельских основаниях, органичное сочетание труда интеллектуального с простым, физическим, который носил творческий характер. Важно отметить и неиерархический, братский характер взаимоотношений, сложившийся в самом монастыре между настоятельницай и сестрами, учителями и учащимися в школах. Внешние свидетельства людей, побывавших в этом месте и имевших общение с настоятельницай и насельницами, отмечали особое единство сестер монастыря, братский дух взаимопонимания, соединявший сестер между собой, с игуменьей и духовенством. Игум. Екатерина при своих выдающихся духовных и организационных дарах полностью разделяла все труды сестер. Атмосфера монастыря была пропитана богословской мыслью, благоговейным отношением к достижениям культуры и науки, особенно медицины. Имея особую заботу о привлечении в церковь интеллигенции, в Лесне уделялось огромное внимание образованию как детей, так и сестер, поступающих в монастырь.

МДА — Московская Духовная Академия

ОР — отдел рукописей

РГБ — Российская государственная библиотека, г. Москва

РГИА — Российский государственный исторический архив, г. Санкт-Петербург

ХВБВ — Холмско-Варшавский Епархиальный Вестник

Литература

1. Балакшина 2014 — Балакшина, Ю. В. (2014). *Братство ревнителей церковного обновления (группа "32-х" петербургских священников, 1903–1907): Документальная история и культурный контекст*. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт. ISBN: 978-5-89100-128-2.
2. Белякова 2004 — Белякова, Е. В. (2004). *Церковный суд и проблемы церковной жизни*. М.: Культурный центр "Духовная библиотека". с. 663. ISBN: 5-94270-024-9.
3. Белякова, Емченко 2011 — Белякова, Н. А. и Емченко, Е. Б. (2011). *Женщина в православии: церковное право и российская практика*. М.: Кучково поле. с. 704. ISBN: 978-5-9950-0165-2.
4. Белякова, Шок 2021 — Белякова, Н.А. и Шок, Н. П. (2021). Ускользающая женская субъектность в Российской Империи. *Электронный научно-образовательный журнал "История"*, 12 (2). doi:10.18254/S207987840013764-9. EDN ZBVMIL.
5. Диакониссы первых веков христианства 1909 — Екатерина (Ефимовская), игум. (1909). *Диакониссы первых веков христианства*. Сергиев Посад. с. 50.
6. Георгиевский 1994 — Евлогий (Георгиевский), митр. (1994). *Путь моей жизни. Воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), изложенные по его рассказам Т. Манухиной*. М.: Моск. рабочий: Издат. отдел Всецерковного правосл. молодежн. Движения. с. 621. (Материалы по истории церкви; кн.3).
7. Зернова 1973 — Зернова, М. М. (1973). *Монахини Хоповского монастыря. За рубежом: Белград — Париж — Оксфорд: (Хроника семьи Зерновых, 1921–1972)*. Под ред. Н. М. и М. В. Зерновых. Paris: YMCA-press, Сор. 78-85.
8. Зырянов 2002 — Зырянов, П. Н. (2002) *Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века*. М.: Вербум-М. с. 319. : ил., портр., табл., цв. ил., портр. ISBN: 5-8391-0063-3.

9. Клепинин 1926 — Клепинин, Н. А. (1926). Светлой памяти игумении Екатерины. *Путь*, 4, 166-171.
10. Колосов 1899 — Подвиги Леснинского женского монастыря. Из записной книжки С. Колосова (1899). *ХВБВ*, 37, 469-472.
11. Монастырь и христианский аскетизм 1904 — Екатерина, игум. (1904). *Монастырь и христианский аскетизм*. СПб.: Типография М. Меркушева. с. 15.
12. Несколько слов о монастырях 1884 — К.А. (1884). Несколько слов о монастырях по поводу народного образования, *Русь*, 11, 16-20.
13. Олесевиц 1913 — Олесевиц, С. (1913). *Леснинский женский монастырь (его история и церковно-общественное значение)*. МДА. РГБ. ОР. Фонд 172. МДА. Картон 325. № 6 /5104. л. 1-117.
14. Памятка 1904 — *Памятка о Леснинском первоклассном женском Св. Богородицком монастыре* (1904). Сост. М. Ф. Богданов; Изд. Леснин. монастыря. Варшава: т-во Оргельбранда сыновей. [2], 5 с., 30 л. ил.
15. Троицкий 2013 — Троицкий, С. В. (2013). *Диакониссы в Русской Церкви. Служение женщин в церкви: Исследования*. сост.: свящ. А. Постернак, С. Н. Баконина, А. В. Белоусов. М.: Изд. ПСТГУ, 299-333.
16. Тареев 1910 — Тареев, М. М. (1910). Том V. *Дополнительный. Религиозная жизнь. Живые души. Очерк нравственных сил современной России*. III. Лесна. Основы христианства: [Система религиоз. мысли]. Т. 1-[5]. Проф. М. М. Тареев. 2-е изд. Сергиев Посад: тип. Св.-Тр. Сергиевой лавры, 49-83.
17. Христианство нашей школы 1910 — Екатерина, игум. (1910). *Христианство нашей школы и христианство Слова Божьего*. Санкт-Петербург: тип. М. Меркушева, с. 32.
18. Шафажинская 2010 — Шафажинская, Н. Е. (2010). *Социальная деятельность русского женского монашества в XIX — начале XX в.* Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология, 4(19), 97-108.

References

1. Balakshina 2014 — Balakshina, Yu. V. (2014). *Brotherhood of Zealots of Church renewal (a group of "32" St. Petersburg priests, 1903-1907): Documentary History and cultural context*. Moscow: St. Filaret Orthodox Christian Institute. ISBN: 978-5-89100-128-2. (In Russ.)
2. Belyakova 2004 — Belyakova, E. V. (2004). *Church court and problems of church life*. Moscow: Cultural Center "Spiritual Library". p. 663. ISBN: 5-94270-024-9. (In Russ.)
3. Belyakova, Emchenko 2011 — Belyakova, N. A. and Emchenko, E. B. (2011). *A Woman in Orthodoxy: Church Law and Russian Practice*. Moscow: Kuchkovo field. p. 704. ISBN: 978-5-9950-0165-2. (In Russ.)
4. Belyakova, Shock 2021 — Belyakova, N.A. and Shock, N. P. (2021). The elusive female subjectivity in the Russian Empire. *Electronic scientific and educational journal "History"*, 12 (2). doi:10.18254/S207987840013764-9. EDN ZBVMIL. (In Russ.)
5. Deaconesses of the first centuries of Christianity 1909 — Ekaterina (Efimovskaya), abbess. (1909). *Deaconesses of the first centuries of Christianity*. Sergiev Posad. p. 50. (In Russ.)
6. Georgievsky 1994 — Evlogy (Georgievsky), mitr. (1994). *The way of my life. Memoirs of Metropolitan Evlogy (Georgievsky), set out according to his stories by T. Manukhina*. M.: Moscow. worker: Publisher. Department of All-Church Law. youth. Movements. from 621. (Materials on the history of the Church; book 3). (In Russ.)
7. Zernova 1973 — Zernova, M. M. (1973). *The nuns of the Hopovsky monastery. Abroad: Belgrade — Paris — Oxford: (Chronicle of the Grain Family, 1921-1972)*. Edited by N. M. and M. V. Grain. Paris: YMCA-press, Cop. 78-85. (In Russ.)
8. Zyryanov 2002 — Zyryanov, P. N. (2002) *Russian monasteries and monasticism in the XIX and early XX century*. M.: Verbum-M. S. 319: ill., port., table., color. il., port. ISBN: 5-8391-0063-3. (In Russ.)
9. Klepinin 1926 — Klepinin, N. A. (1926). To the bright memory of Abbess Catherine. *Puyt'*, 4, 166-171. (In Russ.)
10. Kolosov 1899 — The exploits of the Lesninsky Convent. From the notebook of S. Kolosov (1899). *KHVEV*, 37, 469-472. (In Russ.)
11. Monastery and Christian asceticism 1904 — Catherine, abbot. (1904). *Monastery and Christian asceticism*. St. Petersburg: Printing house of M. Merkushev. p. 15. (In Russ.)
12. A few words about the monasteries of 1884 — K.A. (1884). A few words about monasteries about public education, *Rus'*, 11, 16-20. (In Russ.)
13. Olesevich 1913 — Olesevich, S. (1913). *Lesninsky Convent (its history and church and social significance)*. MD. RGB. OR. Fund 172. MD. Cardboard 325. No. 6 /5104. l. 1-117. (In Russ.)
14. Memo 1904 — *Memo about the Lesninsky first-class women's St. Theotokos Monastery* (1904). Comp. M. F. Bogdanov; Lesnin Publishing House. the monastery. Warsaw: t-in Orgelbrand sons. [2], 5 p., 30 l. il. (In Russ.)
15. Troitsky 2013 — Troitsky, S. V. (2013). *Deaconesses in the Russian Church. Women's Ministry in the Church: Research*. comp.: S. A. Posternak, S. N. Bakonina, A. V. Belousov. M.: Publishing house of PSTSU, 299-333. (In Russ.)
16. Tareev 1910 — Tareev, M. M. (1910). Volume V. *Additional. Religious life. Living souls. An essay on the moral forces of modern Russia*. III. Lesna. Fundamentals of Christianity: [The system of religion. thoughts]. Vol. 1-[5]. Prof. M. M. Tareev. 2nd ed. Sergiev Posad: type. St. Sergius Lavra, 49-83. (In Russ.)
17. Christianity of our school 1910 — Catherine, abbot. (1910). *The Christianity of our school and the Christianity of the Word of God*. Saint Petersburg: type. M. Merkusheva, p. 32. (In Russ.)
18. Shafazhinskaya 2010 — Shafazhinskaya, N. E. (2010). Social activity of Russian female monasticism in the XIX — early XX century. *Bulletin of PSTSU IV: Pedagogy. Psychology*, 4(19), 97-108. (In Russ.)